

Флоран Мушар

**Между братом и сыном:
Об образе Ростислава Мстиславича в Киевской летописи**

Введение

В науке давно и, по-видимому, окончательно обосновалось мнение, согласно которому *Киевская летопись* конца XII или начала XIII в. — свод, тесно связанный с именем князя Рюрика Ростиславича¹. Помимо исключительной важности данной летописи как исторического источника, следует подчеркнуть, что она и является одним из фундаментальных источников для реконструкции истории смоленской династии за XII в. Как известно, основателем этой ветви Рюриковичей был отец Рюрика Ростислав, сын Мстислава Владимировича Великого. Специальные труды, посвящённые Смоленску², равно как и исследования с более широким кругозором, обычно уделяют достаточно большое внимание Ростиславу, одному из главных политических деятелей Руси, в частности за время его правления в Киеве (1159–1167 гг.). Однако, при всей детальности разработки биографии Ростислава, некоторые стороны его жизни и деятельности, о которых *Киевская летопись* распространяется достаточно подробно, ещё слабо изучены; или, выражаясь точнее, вся та богатая информация о нём, которая дошла до нас на её страницах, до сих пор нуждается в критической проверке. В самом деле, Ростислав, как основатель одной из самых активных и (порой) успешных княжеских группировок домонгольской эпохи, не мог не рассматриваться с особым пиететом со стороны и его сыновей, и составителей *Киевской летописи* в окончательном её виде. Цель настоящей статьи — охарактеризовать этот пиетет, на материале одного

-
- 1 Ср., например: Присёлков М. Д. *История русского летописания XI–XV вв.*, СПб., 1996 [Studiorum Slavico-rom. monimenta 11], 87–89; или Шахматов А. А. *Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв.* М.-Л., 1938, 71. Новейший пересмотр датировки *Киевской летописи* также не ставит под сомнение решающее значение Рюрика для составления *Киевской летописи*, хотя объясняет его по-другому: Толочко А. П. О времени создания Киевского свода «1200» г. *Ruthenica* 5 (2006), 86–87.
  - 2 Главнейшими трудами являются: Голубовский П. В. *История Смоленской земли до начала XV в.* К., 1895 (о Ростиславе см. с. 188–189, 266–277); Алексеев Л. В. *Смоленская земля в IX–XIII вв.* М., 1980 (о Ростиславе см. в частности с. 198–211).

ключевого момента: тех летописных сюжетов, в которых выступает Ростислав подле старшего брата Изяслава, за годы правления последнего в Киеве (1146–1154 с перерывами).

1. Брат с братом

1.1. Ростислав и Изяслав. Начиная с 6654 г. — года вокняжения Изяслава Мстиславича — изложение в *Киевской летописи* становится особенно подробным и подробным, обладая вместе с тем и выдающимися литературными достоинствами. Многие исследователи также установили, что в особенно благоприятном свете выступает князь Изяслав Мстиславич³; некоторые даже полагают существование специального повествовательного источника, посвящённого этому князю, целиком или частично занесённого потом в *Киевскую летопись*⁴. По сравнению с этим, изложение фактов в летописях типа *Лаврентьевской* многим, вслед за А.А. Шахматовым и М.Д. Присёлковым, казалось сильно сокращённым вариантом подробных рассказов переяславльского летописания, предположительно лучше сохранившихся в летописях типа *Ипатьевской*⁵.

Однако некоторые исследователи, в частности Д.С. Лихачёв, обратили внимание на одно обстоятельство⁶: в отдельных местах текста (которых, можно добавить, нет в соответствующих сюжетах *Лаврентьевской* и сходных с ней), особенно подчёркивается достоинство Ростислава Мстиславича, младшего брата Изяслава — до такой степени, что он порой кажется даже активнее и подвижнее самого Изяслава (хотя последний, разумеется, всё-таки является главным героем текста). Это особенно примечательно в тех местах, где оба брата выступают вместе; например, когда они предпринимают совместные

3 Начиная с Бестужева-Рюмина: Бестужев-Рюмин К. Н. *О составе русских летописей до конца XIV века. 1. Повесть временных лет, 2. Летописи южно-русские*. СПб., 1868, 79 сл. Ср. литературу у Толочко П. П. *Русские летописи и летописцы X–XIII вв.* СПб., 2003 [*Славянская библиотека/Bibliotheca Slavica*], 106–107.

4 Иконников В. В. *Опыт русской историографии*. К., 1908, кн. 2/1, 445; и ср. предыдущее примечание.

5 Ср. Шахматов. *Обозрение русских летописных сводов*, 10–11; Присёлков. *История русского летописания*, 110–114.

6 Лихачёв Д. С. *Русские летописи и их культурно-историческое значение*. М., Л., 1947, 226–227. Ввиду исключительной важности этого наблюдения для данной статьи, позволю себе процитировать место полностью: «и последний текст [*киевский слой в КЛ 1146–1154. — Ф. М.*] далеко не однороден: значительная часть его носит свежий след редакторской обработки. Эта редакторская рука добавила всюду к имени Изяслава Мстиславича имя его брата Ростислава Мстиславича, явно стремясь изобразить княжение Изяслава как совместное княжение двух братьев (Изяслава и Ростислава) под духовным руководством престарелого и кроткого князя Вячеслава. Не трудно выяснить, чьё ревнивое внимание выделило и подчеркнуло всюду значение Ростислава Мстиславича. Ростислав был киевским князем в 1154–1155 и 1159–1167 гг. При нём игумен Печерского монастыря Поликарп вёл личный летописец своего князя, переработав предшествующее содержание киевской летописи к большей славе Ростислава». Ср. также: Вилкул Т.Л. «О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII в. Предварительные заметки», *Palaeoslavica* 13/1 (2005), 25.

военные действия, или ещё ярче, когда Изяслав советуется у младшего брата. По выражению Лихачёва, «редакторская рука добавила всюду к имени Изяслава Мстиславича имя его брата Ростислава Мстиславича, явно стремясь изобразить княжение Изяслава как совместное княжение двух братьев».

Это наблюдение Лихачёва можно только подтвердить. Например, когда в результате битвы 23 августа 1149 г. Изяславу приходится оставить киевский стол и бежать в Луцк, киевляне выражают верность не одному ему, но также и его брату Ростиславу⁷.

Более того, даже в тех местах, где Ростислав является как бы подчинённым Изяславу, в конце концов подчёркивается его ведущая роль⁸. Под 6656 годом, после удачного похода Изяслава, Ольговичи просят у него мира. Согласно рассказу *Киевской летописи*, киевский князь советуется у брата, о чём в тексте рассказывается весьма подробно (более полутора столбца в издании *ПСРЛ*). Ростислав в том числе и уверяет старшего брата в совершенной подчинённости:

Брате, кланяю ти ся: ты еси мене старѣи, а како ты вгадаеши, а язъ в томъ готовъ есмь: аже, брате, на мнѣ честь покладываешь, то я бых, брате, тако рекль, Рускихъ дѣля земль и хрестьянь дѣля...⁹

Однако здесь очень интересный момент. По-видимому, Ростислав, как он сам говорит, во всём действует по приказу Изяслава. Но он послушен брату только в своих заявлениях, а не на деле: именно он советует брату отправить посольство к Ольговичам, и даже сам предлагает условия мира¹⁰. А в дальнейшем всё идёт по его плану: в этом вопросе мнение Изяслава вообще не приводится, он действует только по указанию брата, и сразу посылает Ольговичам, используя буквально те формулировки, которые мы у Ростислава и встречаем¹¹; следова-

7 «Изяславъ же сгадавъ с братомъ своимъ Ростиславомъ явиста Княномъ, рекуче: ‘Се стрьи наю пришель... можете ли ся за наю бити?’ Они же рекоша: ‘Господина наю князя... аже по сихъ днехъ кде узримъ стягы ваю, ту мы готовы ваю есмы’» (*ПСРЛ* 2: 383).

8 См.: *ПСРЛ* 2: 362–363.

9 *ПСРЛ* 2: 365.

10 «‘то я бых, брате, тако рекль Рускихъ дѣля земль и хрестьянь дѣля: то я люблю, брате, миръ лѣпле; ты были на рать встали, што успѣли; нынѣ же, брате, хрестьянь дѣля и всее Рускои земли, умирися; но оба ать ворожду про Игоря отложить, и паки того не створять, что же хотѣли учинити; а того лишатся, то мирися; паки ли имъ про Игоря ворожду имѣти, то лѣпле с ними в рати будучи, а како ны с ними Богъ дастъ’. Изяславъ же то слышавъ посла к Володимиру Давыдовичю и къ брату его Изяславу и къ Святославу Олговичю и къ Святославу Всеволодичю» (*ПСРЛ* 2: 365–366).

11 «‘вы еста ко мнѣ хрестъ цѣловала на томъ, оже вы брата Игоря не искати, и того еста съступила, и досыти ми пересердия учинила еста. Нынѣ же всего того не поминаю, Руския дѣля земля и хрестьянь дѣля; аже есте ко мнѣ прислалися мира дѣля, и о томъ ся каете, што есте хотѣли учинити, нынѣ же цѣлуйте на томъ хрестъ, оже вы про Игоря ворожды не имѣти, ни того учинити, што есте хотѣли преди учинити’. Тако на томъ цѣловаша хрестъ...» (*ПСРЛ* 2: 366). Особенно характерным является тот факт, что, по моим наблюдениям, слово ‘ворожда’ (именно в данной, полногласной, форме) встречается только в этом контексте во всей *Ипатьевской летописи* (за исключением ещё одного употребления, (*ПСРЛ* 2: 376), где Изяслав напоминает

тельно, истинным посредником между Ольговичами и Мономаховичами выступает не киевский князь, а его смоленский брат. Внешне Ростислав покорно слушает Изяслава, а на самом деле ситуацию решает он.

1.2. Уничжительные штрихи к портрету Изяслава. Но дело этим не ограничивается. На самом деле, образ Изяслава за годы 6654–6662 нарисован не так сочувственно, как кажется на первый взгляд. «Редакторская рука», по выражению Лихачёва, не только добавляет имя Ростислава, но и местами принижает заслуги самого Изяслава. Ср. во время первого неудачного возвращения последнего в Киев¹²: Изяслав, *один*, раздражается военной риторикой в адрес киевлян, которых он призывает его поддерживать:

Изяславъ же рече имь: ‘Луче, братие, измрѣмъ сде, нежели сесь соромъ възмемъ на ся’. Кияне же начаша стужати ему, рекуче: ‘Поѣди, княже, прочь’, и то рекше Кияне побѣгоша от него прочь.

Тут Изяслав показан в не очень благоприятном свете; возможно даже, что текст не лишён известной доли иронии в его адрес¹³.

В другом месте¹⁴, рассказывающем о том моменте, когда Изяслав решает выступить в поход против своего дяди Юрия Долгорукого, составитель текста не стесняется приспособить к нему традиционную формулировку, которая вероятно восходит в конечном итоге к Пс. 48,7 — и которая обычно употребляется только в отношении отрицательных героев летописи: «надѣяся на множество вои». Речь, конечно, идёт только об отдельных элементах текста; это всего лишь нюансы, которые тем не менее достаточно чётко выделяются на фоне общего положительного взгляда на Изяслава Мстиславича.

1.3. Сказка о том, как братья Русь поделили. Чем объяснить такое пристрастие к Ростиславу и такую сдержанность к Изяславу, которая появляется только в отдельных местах текста? Лихачёв считал, что мы тут имеем дело со вставками из личного летописца Ростислава, и приписывал их руке игумена

Святославу Ольговичу о данных переговорах); т.е. само слово, и те сочетания, в которых оно выступает (‘ворожда про Игоря’, ‘ворожду отложить’), являются в контексте *Ипатьевской летописи* в целом специфическими для Ростислава, и вторично для Изяслава.

12 *ПСРЛ* 2: 401. Речь идёт о событиях марта 1151 года; ср. Бережков Н. Г. *Хронология русского летописания*. М., 1963, 150–151.

13 Хотя, конечно, допустить наличие иронии в таком тексте, как *Киевская летопись* — не такая уж очевидная вещь; ср. об этом вопросе (из недавних работ) Pierre Gonneau, “Ironie et jeux de mots dans les textes narratifs vieux-russes,” *Nel mondo degli Slavi: Incontri e dialoghi tra culture (Studi in onore di Giovanna Brogi-Bercoff)* (Firenze, 2008), 255–261.

14 «Изяславъ отслуша обѣдную у святомъ Михаилѣ, и поиде изъ церкви, Иефимьяну же епископу слезы проливаючю, и молящюся ему: ‘Княже, умирися съ стрѣмь своим, много спасение примеши от Бога, и землю свою избавиши от великия бѣды’. Онъ же не восхотѣ, надѣяся на множество вои [*подчеркнуто мною — Ф. М.*], река: ‘Добыль есми головою своею Киева и Переяславля’». Ср. в Псалтыри: «Надѣющися силѣ своей, и множествомъ богатства своего хвалящися» (*ПСРЛ* 2: 380). Возможно, автор здесь имел в виду и Святополка Изяславича, о котором в повести об ослеплении Василька Тербовльского употребляется та же формулировка (Ср.: *ПСРЛ* 2: 244).

Поликарпа; он датировал их появление 1157–1167 гг., т.е. временем княжения в Киеве самого Ростислава¹⁵. Однако, помимо того факта, что существование личной летописи Ростислава подкрепляется лишь логикой исследователя и прямо не зафиксировано в сохранившихся памятниках, одно обстоятельство мешает принять его объяснение.

В некоторых местах, которые также не находят себе соответствия в *Лаврентьевской* и сходных летописях (каким бы ни было генетическое тех и других текстов), читаются в особенности несколько намёков на какую-то договорённость, согласно которой Изяслав и Ростислав разделили между собой свои владения в Руси. Первое место рассказывает о событиях (конца?) 1147 г., когда Изяслав просит Ростислава удержать Юрия Долгорукого на севере, пока он сам справляется со своими врагами на юге:

И тако угадавша рече Изяславъ брату своему Ростиславу: ‘Брате, тобѣ Богъ даль верхнюю землю... а тамо у тебе Смолняне и Новгородци и кто ротъниковъ твоихъ... а я ся сде оставлю, а мнѣ како Богъ да[сть] съ Олговичема и съ Давыдовичема’¹⁶.

Под следующим годом, т.е. вероятно в ноябре или декабре 1148 г., Изяслав приезжает в Новгород с тем, чтобы заручиться поддержкой новгородцев против того же Юрия. Согласно рассказу *Киевской летописи*, Изяслав по пути останавливается в Смоленске:

И ту даристася дарьми многими: Изяславъ да дары Ростиславу что от Рускии землѣ и от всихъ цсарьскихъ землѣ, а Ростиславъ да дары Изяславу что от верхнихъ землѣ и от Варягъ¹⁷.

Тут отчётливо противопоставляются две пары ‘земель’, из которых происходят взаимные подарки обоих князей друг другу: Византия/Скандинавия с одной стороны, Русская земля/‘верхняя’ земля, т.е. очевидно верховья Днепра¹⁸. Для нас тут важен тот факт, что у каждого князя поровну есть откуда брать подарки, как из собственных земель, так и из-за границы — у каждого князя как бы своя сфера влияния, для Изяслава — южная, для Ростислава — северная¹⁹.

15 Игумен Поликарп остаётся в построениях многих исследователей одним из основных авторов *Киевской летописи*: ср. Рыбаков Б. А. *Русские летописцы и автор Слова о полку Игореве*. М., 1972, 85. Толочко П. П. *Русские летописи и летописцы*, 114–116.

16 *ПСРЛ* 2:359

17 *ПСРЛ* 2:369

18 О значении выражения ‘Русская земля’ в летописях XI–XIII вообще и в *Киевской летописи*, в частности, См.: Serhii Plokhy, *The Origins of the Slavic Nations. Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus* (Cambridge, Mass.), 2007, 39 прим. 61; а также Кучкин В. А. ‘Русская земля’ по летописным данным XI-первой трети XIII вв. *ДГВЕ (1992–1993)*. М., 1995, 74–100 (там же — историография вопроса).

19 На этот факт мимоходом обращает внимание и Т.Л. Вилкул: *Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв.*, 2009 [Исторические исследования], 221.

Что именно подразумевается под ‘верхними’ землями, читатель может точнее узнать из следующего места *Киевской летописи*, особенно близкого по смыслу — однако в котором, правда, не употребляется само словосочетание. Несколько лет спустя 6656 г., Изяслав уже признаёт за братом что-то вроде законодательной власти в Новгороде и Смоленске :

Изяславъ же рече брату своему Ростиславу: ‘Ты ми еси, брате, много понуживаль, якоже положити честь на стрѣи своемъ и на отци своемъ: се же нынѣ Богъ привель мя въ Рускую землю... а я паки тебе, брате, молвлю: тамо по Бозѣ у тебе сынъ твои и мои Новѣгородъ Ярославъ, а тамо у тебе Смоленскъ: тоже же, брате, все урядивъ тамо поиди же къ намъ сѣмо, ать вси по мѣсту видимъ, што явить намъ Богъ’²⁰.

Перед нами опять с одной стороны ‘Русская земля’, которой владеет Изяслав; с другой — Новгород и Смоленск; по аналогии мы можем заключить, что северные города отождествляются с ‘верхними землями’. Кроме того, можно наблюдать, что в этих трёх местах *Киевской летописи* составитель текста вкладывает в уста самому Изяславу признание за Ростиславом чего-то вроде богоданного первенства в северных землях Руси (Новгород и Смоленск), что сводится к фактическому разделению земли: Ростислав здесь выступает на равных с киевским князем — чего последний вовсе не оспаривает.

На основании данных свидетельств *Киевской летописи* некоторые историки считали, что такое распределение «сфер влияния» имело место в действительности, и даже думали, что в фразе «брате, Богъ далъ тобѣ верхнюю землю» составитель текста ссылается на официальный документ, подкреплявший его²¹.

Однако реальное существование такого распределения кажется весьма сомнительным. Не говоря уж о том, что оно не подкрепляется никакими другими источниками, следует во-первых заметить, что все три приведённые формулировки являются нарочито смутными и неопределёнными, лишёнными всякой дипломатической точности; в частности, в них (как и в других текстах подобного рода, нередких в *Киевской летописи*) не улавливается сколько-нибудь точный формуляр²², который бы заставлял предполагать существование письменного первоисточника, аналогичного немногочисленным дошедшим до нас княжеским актам; не приводится ни *intitulatio*, ни *inscriptio*

20 *ПСРЛ* 2: 422.

21 Уже несколько десятилетий продолжается спор о существовании письменной дипломатической переписки древнерусских князей; ср. главные аргументы той и другой стороны у В.Ю. Франчук. *Киевская летопись. Состав и источники в лингвистическом отношении*. К., 1984, 109–113. Основываясь на мнении Б.А. Рыбакова о том, что в *Киевской летописи* действительно сохраняются настоящие послания Изяслава, историк Смоленска Л.В. Алексеев (*Смоленская земля в IX–XIII вв.*, 202) пишет о вышеупомянутом месте под 6655 г. следующее: «Эта грамота надолго закрепила за Смоленском первенствующую роль во всех политических действиях северо-западных земель Руси». В другом основополагающем труде по истории Смоленска пера П.В. Голубовского, автор гораздо более осторожен (Голубовский П. В. *История Смоленской земли*, 268–270).

22 О формулярах сохранившихся княжеских грамот ср. Каштанов С.М. Интитуляция русских княжеских актов X–XIV вв. Опыт первичной классификации. *ВИД*. Т. 8, 1976, 72–77.

(за исключением обращения ‘брате’, которое даже не обязательно стоит на обычном для акта месте). Во-вторых, предположение о распределении сфер влияния между Ростиславом и Изяславом мало вписывается в контекст тех лет; принцип сеньората и попытки его модификации, «основные законы» 1054 и 1097 гг. и их применение на каждой смене киевского князя не оставляют, как кажется, места для такого соотношения сил старшего и младшего Мстиславичей²³.

2. Взгляд на Изяслава и Ростислава во второй половине XII в.

Итак, можно считать, что взгляд *Киевской летописи* (в такой форме, какой мы её читаем) на Изяслава и Ростислава и их взаимоотношения не соответствует действительности 1140-х гг.; следовательно, напрашивается вывод о том, что её составитель не рассказывает о состоявшихся фактах, но по-своему интерпретирует факты уже некоторой давности. Но тогда возникает вопрос: чему обязаны своим существованием такие понятия у составителя, и при каких обстоятельствах они смогли появиться?

2.1. Образы Изяслава и Ростислава в контексте событий 1160-х и 1170-х годов. Мы успели выше познакомиться со мнением Д.С. Лихачёва, который думал, что все упомянутые и др. места — плод редакторской работы игумена Поликарпа, автора личного летописца Ростислава за время княжения последнего в Киеве, т.е. в 1160-е гг. Однако с подобной датировкой трудно согласиться. Хотя и принижение Изяслава и всяческая поддержка Ростислава как будто говорит в её пользу, этому мешает на мой взгляд идея о разделении сфер влияния. В самом деле, даже если бы мы допустили существование такого сочинения, как личного летописца Ростислава, было бы весьма странным, что киевский князь, пользовавшийся таким весом и авторитетом, как Ростислав, выдвинул в официальном тексте, или считающемся таковым, идею о том, что Киев и Новгород/Смоленск образуют как бы две равные половины одного государства (тем более, что за 1159–1167 гг. в Смоленске княжит не брат Ростислава, а его сын Роман).

Можно также вспомнить о гипотезе Т.Л. Вилкул, усматривавшей в *Киевской летописи* вторичность текста по сравнению с летописями типа *Лаврентьевской*, и объясняющей её посредством редакторской правки, соответствующей запросу Ростиславичей в 1170-е гг.²⁴ Однако и тут, кажется, политический контекст не позволяет объяснить, почему образ Изяслава получает такую трактовку: основной представитель Изяславичей, князь луцкий Ярослав, вплоть до весны-лета 1174 года находится в союзе с Ростиславичами, благодаря помощи

23 О принципах престолонаследия в первой половине XII в. см.: Назаренко А.В. Династический проект Владимира Мономаха. Попытка реформы киевского столонаследия в 30-е годы XII века. *Древняя Русь и славяне [Древнейшие государства восточной Европы 2007]* М., 2009, особенно с. 98–100.

24 Вилкул Т.Л. О происхождении общего текста, 75–76, 79–80.

которых он даже правит в Киеве два раза (несколько недель в ноябре-декабре 1173 г., несколько месяцев в первой половине 1174 г.²⁵); в июне 1174 он покидает Киев и возвращается в Луцк²⁶, после чего исчезает со страниц летописей, тогда как Ростиславичи заняты, вплоть до соглашения 1181 г., ожесточённой борьбой с Ольговичами. Что касается другого видного потомка Изяслава, племянника Ярослава Романа Мстиславича, он тогда правит в Владимире-Волынском. Поэтому, как кажется, переписывание истории сороковых годов мало соответствует политической обстановке семидесятых.

2.2. Изяслав и Ростислав на переломе XIII ст. Но если такие датировки неприемлемы, то к чему возводить эти две концепции, о превосходстве Ростислава и о разделении «сфер влияния»? Почему составитель *Киевской летописи* так интерпретирует события, или точнее, какими мотивами он руководствуется? Кажется, что в ответ на этот вопрос можно указать злободневные темы 1190-х и 1200-х гг., того времени, когда летопись была составлена — или по крайней мере её окончательный вариант.

В этом плане особенно интересна идея разделения «сфер влияния» между севером и югом, Смоленском (и Новгородом) и Киевом. Эта концепция, как я уже говорил, не находит себе соответствия ни в политической действительности Руси, ни в теории и практике престолонаследия. Однако более близкая аналогия обнаруживается в ситуации последних двадцати лет XII в. Как известно, в эти годы сидел в Смоленске сын Ростислава Давыд, тогда как его брату Рюрику, по договору 1181 г., досталась «Русская земля» (киевским князем формально являлся Святослав Всеволодович). В особенности, под 6703 г. в *Киевской летописи* читается текст, во многом перекликающийся с процитированными местами. Это относительно пространный рассказ о том, как Давыд приезжает в Киев по призыву Рюрика (это происходит как раз по горячим следам смерти Святослава²⁷). Оба брата встречаются то ли в Вышгороде, то ли в самом Киеве, и обмениваются приглашениями на пиры и дарами, как их отец с Ростиславом более пятидесяти лет назад.

В лѣто 6703. Посла Рюрикъ по брата своего по Давыда къ Смоленську, река ему: 'се, брате, се вѣ осталася старѣиши всѣхъ в Руськой землѣ; а поѣди ко мнѣ Киеву; что будетъ на Руской землѣ думы и о братѣи свои о Володимерѣ племени, и то все укончаевѣ, а сами ся во здоровьи видевѣ'. И поиде Давыдъ и-Смоленска в лодьяхъ Смолняны, и приде Вышегородъ (...) И с братомъ своимъ Рюрикомъ ряды вся уконча о Руской землѣ и о братѣи свои о Володимерѣ племени; и иде Давыдъ во свои Смолнескъ.

25 Я пользуюсь тут хронологией А. Поппе (Подскальски Г. *Христианство и богословская литература в Киевской Руси, 988–1237 гг.* СПб., 1996, 473).

26 «тогда же пришелъ башеть Романъ ись Смоленска къ братѣи свои въ помощь. Ярославъ же рече: 'Привели есте брата своего Романа, а даете ему Киевъ', и поиде въ Луческъ. Они же [почаша] слаги по немъ, вабяче опять въ Киевъ; онъ же не послуша ихъ, и поиде въ Луческъ» (*ПСРЛ* 2: 600).

27 *ПСРЛ* 2: 681–682. О дате события ср. Бережков Н.Г. Хронология, 207: оно состоялось 17 мая 1195 г.

Тут, конечно, не упоминается ‘верхняя’ земля; но перед нами та же речь о южном (Киев) и северном (Смоленск) пунктах — точках опоры князей с равным достоинством (хотя чуть выше в иерархии стоит, естественно, Рюрик). А контекст повествования такой же, как и в текстах об Изяславе и Ростиславе — встреча между двумя князьями-братьями, веселие и обмен дарами (как читатель может заметить, я опустил длинный пассаж о приглашениях, пирах и подарках между Рюриком, Давыдом и разными князьями и общинами).

Естественно объясняются в данном контексте и недоброжелательные попутные замечания об Изяславе. Как известно, между 1194 и 1205 гг. шёл ожесточённый конфликт Рюрика с Романом Мстиславичем Волынским, кульминационным пунктом которого стало насильственное пострижение Рюрика в монахи в 1204 году²⁸; а Роман Мстиславич, как мы помним, был не только зятем Рюрика, но приходился и внуком Изяслава. Не следует также упускать из виду, что Ростиславичи ещё в 1167–1170 гг., после смерти своего отца, боролись и против отца Романа Мстислава Изяславича. Ввиду всего этого представляется целесообразным считать, что «проростиславская» редакция 6654–6662 гг. *Киевской летописи* произвелась не только с целью повышения престижа Ростислава, но и с желанием принизить, насколько можно, и память Изяслава. (Тогда, однако, приходится считать, что эта редакция производилась, когда конфликт был ещё актуальным, т.е. до смерти Романа в 1205 году, и во всяком случае до смерти Рюрика, в 1208 или 1212 году²⁹).

Если мы принимаем классическую датировку (свод «1200» года), тогда всё объясняется актуальностью конфликта Рюрика и Романа — и вышеприведённые наблюдения представляют собой ещё один аргумент, подкрепляющий её. Если наоборот мы допускаем, согласно новейшей попытке А.П. Толочко³⁰, что *Киевская летопись* не могла быть создана раньше 1212 года, т.е. в любом случае после смерти Рюрика, то «про-ростиславская» и вместе с тем «про-рюриковская» обработка сюжетов о событиях середины XII в. объясняется, вероятно, не только стойкой лояльностью выдубицких монахов к памяти Ростислава и Рюрика (и Давыда), но и текущей политической ситуацией. В самом деле, в 1212 г. Ростиславичам вновь удаётся захватить киевский стол: туда приходит Мстислав Романович, вероятно с помощью сыновей Рюрика Владимира и Ростислава³¹; впоследствии он правит киевским княжеством вплоть до битвы на Калке³².

28 Об этом конфликте и его подробностях см. Martin Dimnik, “Ryurik Rostislavich (d. 1208?). The Unsung Champion of the Rostislavichi,” *Ruthenica* 8 (2009), 49–59 (там же литература вопроса).

29 О весьма спорной дате смерти Рюрика Ростиславича см. Dimnik, “Unsung Champion,” 62; Martin Dimnik, *The Dynasty of Chernigov, 1146–1246* (Cambridge, 2003), 265 прим. 91 (с литературой).

30 Толочко А.П. *О времени создания Киевского свода «1200» г.*

31 Об этих событиях см. Dimnik, *The Dynasty*, 276–280.

32 Но тогда Изяславичи уже не играли большой роли в киевской политике, вплоть до тех пор, пока Романовичи (Данило и Василько) не обосновались прочно в Галичине и Волыни, т.е. несколько лет позже. Поэтому, если составители *Киевской летописи* действительно писали с

Заключение

Какие выводы извлечь из сказанного? Какими бы ни были общие гипотезы о путях составления и времени написания *Киевской летописи*, думается, что нельзя отрицать (относительно) систематический характер редактуры текстов 6654–6662 гг., касающихся отношений Изяслава и Ростислава Мстиславичей. Они не встречаются в *Лаврентьевской* и сходных летописях; они противоречат общему тону повествования, достаточно лояльно настроенного к Изяславу; они выражают последовательную политическую линию, состоящую из двух главных элементов (1. Ростислав равен Изяславу, если не выше его; 2. он фактически занимает в северной территории ту же позицию, что киевский князь в южной). Поэтому был смысл анализировать их вместе, и возводить их, хотя бы условно, к одному автору, который, по-видимому, писал во время и под эгидой Рюрика Ростиславича.

Поэтому также позволительно сказать, что образ Ростислава Мстиславича в *Киевской летописи* можно понять, только если учесть, что текст выдвигает его как бы прообразом: он вспоминает о нём, но вместе с тем видит в его фигуре свои собственные взгляды и проблемы: «разделение труда» между севером и югом, опасность, представленная активным и непримиримым Романом Мстиславичем, и т.д. Таким образом, стараясь вникнуть в мысль составителя, мы можем сформулировать тот насущный вопрос, на который значительные части *Киевской летописи* представляют собой ответ³³: *кто, из Изяславичей или Ростиславичей, является настоящим наследником Мономаха и Мстислава на киевском столе?* Именно под таким углом зрения, как мы попытались выявить, следует анализировать роль Рюрика в данном своде. Конечно, практически все авторы, кто когда-либо исследовал *Киевскую летопись*, отмечали исключительно важную роль Рюрика в её создании, основываясь на последних годах (6707–6709). Сделанные наблюдения позволяют установить, что Рюрик опосредованно появляется и в предыдущих годах: через образ его отца Ростислава мы улавливаем именно его взгляды, его понятия, его политические приоритеты и чаяния.

Université Rennes 2 Haute-Bretagne (France)

оглядкой на текущие события, остаётся всё-таки предпочтительной «классическая» датировка (до 1200 г.).

33 В рамках данной статьи не представлялось возможным предлагать более общий анализ *Киевской летописи* в этом ракурсе; в частности, следовало бы остановиться на отрицательных чертах в образе Мстислава Изяславича в 1167–1170 годы. Это, может быть, дело будущего.